

**МОИСЕЙ МЕНДЕЛЬСОН
И ЕГО СТАТЬИ
О ПРОСВЕЩЕНИИ**

Немецкая философия эпохи Просвещения, а также само его понятие и знаменитый вопрос «Что такое Просвещение?» невольно ассоциируются с одной из самых значимых фигур этого периода времени — Иммануилом Кантом (1724—1804), что неудивительно. Та обширная дискуссия просветителей, развернувшаяся в последней четверти XVIII века, до сих пор остается практически неизвестной российскому читателю. Толчком к ней среди прочего стала деятельность «Берлинского общества собраний по средам» (Berliner Mittwochsgesellschaft), называвшего себя «обществом друзей Просвещения» и состоявшего из 24 членов — прусских чиновников и юристов, теологов, врачей, философов, деятелей культуры и искусства.

«Берлинское общество собраний по средам» было основано осенью 1783 года профессором теологии университета Гельмштедта Вильгельмом Авраамом Теллером (1734—1804) и действовало вплоть до ноября 1798 года. Среди членов общества были такие значимые фигуры, как министр финансов Пруссии Карл Август фон Штрунзее (1735—1804), старший финансовый советник Иоганн Генрих Влёмер (1726—1797), поэт Леопольд Фридрих Гюнтер фон Гёкинг (1748—1828), юрист и дипломат Христиан Конрад Вильгельм Дом (1751—1820), один из главных сторонников «популярной философии», писатель и директор Национального театра Иоганн Якоб Энгель (1741—1802), советник Верховного суда Фридрих Вильгельм фон Бенеке, старший консисторский советник Карл Франц фон Ирвинг (1728—1801), юрист Эрнст Фердинанд Кляйн (1744—1810), один из преподавателей философии принца Фридриха Вильгельма Франц Михаэль Лойхзенринг (1746—1827), лейб-медики Фридриха Великого Иоганн Карл Вильгельм Мёзен (1722—1795) и Христиан Готлиб Зелле (1748—1800), теолог Иоганн Иоахим Шпальдинг (1714—1804), берлинский пастор Иоганн

Фридрих Цёлльнер (1753–1804), юрист Карл Готлиб Шварц (1746–1798), а также издатели «Берлинского ежемесячника» (*Berlinische Monatsschrift*, 1783–1796) — Фридрих Гедике (1754–1803) и Иоганн Эрих Бистер (1749–1816), личный секретарь министра просвещения Пруссии барона Карла Авраама фон Цедлица и Ляйпе (1731–1793). Почетным членом общества был Моисей Мендельсон (1729–1786). «Берлинское общество» носило тайный характер. Поскольку среди его членов были представители элиты прусского общества, занимавшие высокие государственные посты, а также пасторы и священники, они не могли выражать свое мнение публично и должны были ограничиваться лишь частным выражением своей позиции по тому или иному вопросу в узком, закрытом кругу единомышленников¹. Лишь те немногие нейтральные вопросы, по которым они могли высказываться в своих должностях публично, выходили впоследствии на суд широкой аудитории. Предметом для обсуждения на собраниях общества становились различные проблемы Просвещения, а доклады участников позднее публиковались в «Берлинском ежемесячнике», являвшемся рупором эпохи позднего немецкого Просвещения. В этой связи необходимо отметить, что статьи Мендельсона — лишь отголоски того, что становилось предметом обсуждений, хотя и исключительно важные. Для того чтобы продемонстрировать читателю, какие темы интересовали членов «Берлинского общества собраний по средам», ниже будет представлена выборка из оглавления «Берлинского ежемесячника» за 1784 год (приложение 1).

Что же касается исторической достоверности, то первым на вопрос «Что такое Просвещение?» все же ответил не Кант, а Моисей Мендельсон, который во многом был символом немецкого (в особенности — берлинского) Просвещения, хоть и не считался профессиональным философом, а профессионально занимался предпринимательством. В сентябре 1784 года в «Берлинском ежемесячнике» была опубликована статья Мендельсона под названием «О вопросе: что значит просвещать?», представлявшая собой текст доклада, сделанного на одном из заседаний «Берлинского общества собраний по средам». Четырьмя месяцами позже, в декабре 1784 года, там же впервые вышла статья Канта «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?». Сегодня при разговоре о немецком Просвещении нам на ум неизбежно приходит именно кантовский ответ на этот вопрос², хотя на деле всё обстояло совер-

¹ Иную интерпретацию публичного и частного применения разума см.: *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // *Кант И.* Собрание соч.: в 8 т. / под ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 8. С. 31.

² В то же время знаменитое обращение Канта к выражению Горация "Sapere aude!" вопреки распространенным представлениям не является оригинальным для немецкого Просвещения. Кант продолжает здесь традицию раннего этапа немецких просветителей: «В Берлине, который с этого времени оставался главной площадкой философов, уже в 1736 году образовалось *Общество любителей истины*, *Societas Alethophilorum*, которому в качестве основателя дал свое имя граф Эрнст Кристоф фон Мантойффель [...]. Оно заказало чеканку медали, на аверсе которой был изображен поясной портрет Минервы, на шлеме которой под лавровым венком можно было видеть лица Лейбница и Вольфа в виде двуликого Януса, с глубокомысленной надписью: *sapere aude!* "*Hexalogus Alethophilorum*" или закон объединения общества любителей истины определял, что его члены не должны принимать нечто за истинное или за ложное, не будучи убежденными в этом без достаточного основания — ключевое слово Вольфа. Целью их устремлений должна была быть истина, ее распространение и охрана всех тех, кто ищет или защищает ее» (*Wuttke H.* Ueber Christian Wolff den Philosophen. Eine Abhandlung // *Christian Wolffs eigene Lebensbeschreibung / Hrsg. mit einer Abhandlung über Wolff von H. Wuttke.* Leipzig, 1841. S. 35.

шенно иначе. Для современников ответ Канта воспринимался скорее как оригинальный и довольно изощренный ход мыслей, долетевший в Берлин из далекого Кёнигсберга, но который, однако, имел мало общего с той дискуссией, которая велась его современниками в столице Пруссии. Тут следовало обратить внимание на то, что за год до выхода статей Канта и Мендельсона в «Берлинском ежемесячнике» была опубликована статья члена «Берлинского общества собраний по средам», пастора Цёлльнера «Целесообразно ли в дальнейшем санкционировать брачный союз посредством религии?»³, в которой он с недоумением высказался относительно того, что столь часто употребляемое понятие «Просвещение», вопрос о понимании которого важен ничуть не менее, чем ответ на вопрос о том, что такое истина, до сих пор никто еще не разъяснил. Доклад Мендельсона в некоторой степени мог стать реакцией на это заявление его соратника.

Одним из важнейших аспектов в рамках вопроса об определении понятия Просвещения для Мендельсона является язык: по его мнению, слова «просвещение», «культура», «образование» появились в немецком языке не так давно и принадлежат книжному языку, ввиду чего простой народ едва способен их понимать. Вещи же, обозначаемые ими, вовсе не так новы. Проблема заключается в том, что словоупотребление попросту еще не успело установить границы между данными словами. Именно этим и занимается в своей статье Мендельсон, пытаясь определить каждое из понятий и их общую взаимосвязь.

Еще один важный аспект в размышлениях Мендельсона — рассмотрение проблематики назначения человека, поставленной знаменитым трактатом Шпальдинга «Рассуждения о назначении человека»⁴. Мендельсон рассматривает, во-первых, назначение человека как человека и, во-вторых, назначение человека как гражданина. В отношении культуры все эти назначения совпадают, но все практические совершенства имеют ценность только в отношении общественной жизни, а значит, должны отвечать одному единственному назначению человека как члена общества. Просвещение, которое интересует человека как человека, является всеобщим и не зависит от сословия; просвещение же человека как гражданина видоизменяется в зависимости от сословия и профессии. Просвещение человека как человека может войти в конфликт с просвещением человека как гражданина: определенные истины, которые могут быть полезны человеку как человеку, порой могут повредить ему как гражданину. Эта коллизия может возникнуть между сущностными или случайными назначениями человека и сущностными или внесущностными назначениями гражданина. И вот тут становится ясно, что проблема назначения человека неразрывно связана с проблемой государства и конституции, поскольку создание условий для гармонии сущностного и внесущностного назначений человека, а также условий для распространения просвещения на все сословия без опасности уничтожения конституции является, прежде всего, государственной задачей. То, как должно функционировать государство и какие общественные,

³ См.: Zöllner J. F. Ist es rathsam, das Ehebündniß ferner durch die Religion zu sancieren? // Berlinische Monatschrift. Berlin, 1783. Bd. 2. S. 516.

⁴ Сочинение Шпальдинга по праву считается классикой теологии эпохи Просвещения: Spalding J. J. Betrachtungen über die Bestimmung des Menschen. Greifswald, 1748.

просветительские и воспитательные задачи оно должно решать, Мендельсон рассматривает в своей статье «О наилучшей государственной конституции». По его мнению, основная задача конституции — соответствие благополучию людей — как назначению каждого человека в отдельности, так и назначению всего общества в целом. Насколько долгосрочной или краткосрочной будет конституция и как она вообще будет выглядеть, зависит исключительно от того, насколько она и ее срок действия смогут соответствовать главной цели — назначению человека, а не от того, например, каков климат в данной конкретной стране⁵, как считал Шарль Луи де Монтескье (1689–1755). Кстати, здесь на передний план выступает еще одно существенное различие между немецким и французским Просвещением.

Наконец, в статье, посвященной проблематике Просвещения, Мендельсона заботят два вопроса: во-первых, сатира как средство просвещения и борьбы против предрассудков и суеверий, которая приводит в итоге лишь к лжепросвещению, и, во-вторых, появившийся, особенно во французской философии, «мечтательский» и софистический дух, который, по его мнению, грозит своим проникновением и немецкой философии. Мендельсон ставит под вопрос саму необходимость насмешки как одного из инструментов просвещения и критикует французскую философию современной ему эпохи за ее софистическую составляющую, которая придает шаткость не только языку, но мышлению и самому философствованию. Он призывает вернуться к лейбницианско-вольфианской основательности в мышлении, способной дать такую «определенность понятиям и такую прочность рассуждениям», о которых французы «до сих пор еще не имеют правильного представления» — лейтмотив, свойственный и таким современникам Мендельсона, как Кант или Иоганн Николаус Тетенс (1736–1807).

Как статья «О наилучшей государственной конституции», так и статья о сатире и иронии наглядно показывают, сколь размыто и диффузно понятие «Просвещения вообще» без учета национальных особенностей: по ряду идентичных вопросов между французским и немецким Просвещением существует больше различий, нежели сходств.

Следует отметить, что поскольку статья Мендельсона о Просвещении — лишь некая редакция его доклада на заседаниях «Берлинского общества собраний по средам», следует все же считать ее наброском, а не завершенной статьей в собственном смысле этого слова и простить автору некоторую неясность понятий в определенных выражениях. Во всех нижеследующих статьях Мендельсон комплексно подходит к проблеме Просвещения и определению его понятия. Для него Просвещение является не просто определенной воспитательной программой, а задачей государственного масштаба, затрагивающей как проблему отдельного человека и его назначения, так и назначения поколений, сословий и нации в целом.

К. А. Волкова

⁵ Монтескье в своем трактате «О духе законов» (1748) установил связь законов с климатом: от различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни — различие законов.

Приложение 1

Избранное оглавление «Берлинского ежемесячника» за 1784 год
(*Berlinische Monatsschrift / Hrsg. von F. Gedike, J. E. Biester. Bd. 3–4. Berlin, 1784*)

- Мёзер, Юстус.* О ценности комплиментов. Записки одной вдовы.
Предложение о том, как вынести кладбища за черту города.
О разнице между христианским и гражданским браками.
О браках британских военных.
Финк фон Финкенштайн, Фридрих Людвиг Карл. О предложении духовным лицам более не жениться.
Гедике, Фридрих. О том, что такое «есть» и «быть». Сообщение к объяснению происхождения жертвы.
О Берлине. Мнение постороннего.
О происхождении рождественских подарков.
Э. Вопрос неназванному целлерфельдцу; христианские вакханалии в ночь под Рождество случаются.
Аноним. О всеобщем европейском государственном календаре французов.
Бистер, Иоганн Эрих. О календаре, особенно о политическом для объединенных Нидерландов.
О вере в столетний календарь предсказания погоды.
Фальшивая терпимость некоторых бранденбургских и померанских городов в рассмотрении уступок протестанских церквей по отношению к католическому богослужению.
Особая молитва для замужних женщин.
Два мечтательных самоубийцы.
Об обмане народа.
Псевдобарон фон Мортчини.
Записки о шахматной и говорящей машине фон Кемпеля.
Энгель, Иоганн Якоб. Статуя.
Мендельсон, Моисей. Статуя. Психологически-аллегорический вещий сон.
О 39-м положении вероучения англиканской церкви и ее подтверждении присягой.
О вопросе: что значит просвещать?
Кант, Иммануил. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?
Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане.
Зелле, Христиан Готлиб. Попытка доказательства невозможности чистого и независимого от опыта понятия разума.
О правах человеческих поступков.
Об аналогическом выводе.
Герц, Марк. Об аналогическом выводе.
Кляйн, Эрнст Фердинанд. О свободе мысли и печати. К графам, министрам и писателям.
Шваб, Иоганн Кристоф. О моральном и физическом благе. Переписка.
Шпальдинг, Георг Людвиг. Современная немецкая философия.
Кампе, Иоганн Генрих. Дальнейшее сообщение о проверке, направленной на общую сущность воспитания.

Дальнейшее сообщение о продолжении всеобщей проверки общих основ школьного обучения и воспитания от общества практических воспитателей.

О раннем воспитании юных детских душ. Фрагмент.

Штуве, Иоганн. Заметка о руппинской гарнизонной школе.

Фойт, Готфрид Христиан. Кое-что о процессах над ведьмами в Германии.

Выдержки из некоторых актов судебных процессов над ведьмами в Кведлинбурге.

Еще кое-какие замечания о процессах над ведьмами и пытках.

Аноним. Еще кое-что о пытках.

Мейнерс, Кристоф. Размышления о смертной казни мечом.

Прево, Пьер. Об изобретателе воздухоплавательных машин.

Еще кое-что о воздухоплавательных машинах, и прежде всего об их управлении.

Форстер, Иоганн Рейнгольд. Новая теория о полетах птиц согласно принципам аэростатики.

Моритц, Карл Филипп. Еще одна гипотеза Моисея о сотворении мира.

Эберхард, Иоганн Авеуст. О радуге: 1 книга Моисея, IX:13—17.

История споров Папы Павла V и Венецианской республики.

О [религиозном мечтателе, портном] Музефельде.

Шрёдер, К. Г. Опять пример печального мечтательства, происходящего из суеверий.

История кладоискателей (Отрывок из актов).

Аноним. О католиках в Голландии.

Ф., К. О настоящем духе чистого деизма.

Вюниш, Христиан Эрнст. В память о ткаче-математике.

Аноним. О новом прусском судоустройстве.

Винтерфельд, Мориц Адольф. Некоторые предложения по предупреждению дезертирства солдат.

О сдаче внаем поместий.

Дассдорф, Карл Вильгельм. Воспоминания о господине генерале, графе Анхальта.

Аноним. Полное имя немецкого кайзера.

Шпелер, Иоганн Карл Филип. Записки одного книготорговца о лейпцигской пасхальной ярмарке.

А-р. О немецкой криминальной истории.

Штош, Самуэль Иоганн Эрнст. Этимология слова "Wadel".

Х. О разнообразных описаниях путешествий в наши дни.

Брёмель, Вильгельм Генрих. Женские характеристики. Правдивая история.

Шёнборн, Готтлоб Фридрих Эрнст. Мечта. Хор с флейтами.

Штамфорд, Генрих Вильгельм фон. История любви и дружбы. Романс.

Цёлльнер, Иоганн Фридрих. Обезьяна. Басенка.

Брунс, Пауль Якоб. О четвертой эклоге Вергилия.

Ф. Письмо издателем о супруге Сапфо.

Аноним. Псевдограф Калиостро.

Аноним. Берлинский астролог.

Памятная медаль Общества любителей истины, Берлин, 1736 год

"Hexalogus Alethophilorum",

или

Шесть законов Общества любителей истины

I

Пусть истина будет единственной целью, единственным предметом нашего рассудка и воли.

II

Не считайте ничего истинным или ложным до тех пор, пока не будет достаточного основания быть убежденными в этом.

III

Не довольствуйтесь тем, что вы любите и знаете истину, но распространяйте ее, т.е. делайте ее известной и приятной для ваших сограждан. Тот, кто скрывает знание, зарывает в землю дело, которое вверяется ему для возвышения чести самого возвышенного существа; тот похищает у человеческого общества ту пользу, которая могла бы из этого произрасти.

IV

Не лишайте вашей любви и помощи тех, кто знает истину и кто искренне прилагает усилия к ее поиску или защите. Было бы крайне постыдно и противно подлинному свойству АЛЕТОФИЛА, если бы вы отказали в защите и понимании тому, чьи взгляды совпадают с вашими.

V

Не противьтесь никакой истине, если вы чувствуете, что вы убеждаемы в ней со стороны других, чьи взгляды правильнее, нежели ваши. АЛЕТОФИЛ был бы недостоин своего имени, если бы он стал оспаривать истину из высокомерия, упрямства или по другим неразумным причинам.

VI

Испытывайте сострадание к тем, кто или не знает истины, или имеет неправильное понятие о ней; вразумите их без ожесточения и не ищите для этого никаких других средств, кроме как силы ваших доводов, наставляющих на правильный путь. Вы обесчестите истину, если вы будете вооружены и пожелаете защищать ее иным оружием, кроме как тем, что вкладывает вам в руку разум.

Титульный лист сочинения И. Г. Зульцера «Рассуждение о красоте природы с моральным рассмотрением особенных предметов естествознания» (Берлин, 1770), содержащий оттиск медали с изречением «Sapere aude».

Joh. Georg Sulzers
Unterredungen
über die
Schönheit der Natur
nebst desselben
moralischen Betrachtungen
über besondere
Gegenstände der Naturlehre.
Von neuem aufgelegt.

Berlin
bey Haude und Spener
1770.